

Кэцзюй — это слишком сложно

Экипаж, миновав несколько поворотов, добрался до дома лишь к середине дня.

Путь занял несколько часов, и Чу Цы втайне порадовался предусмотрительности управляющего Сюя, собравшего в дорогу корзину с водой и сладостями. В противном случае путникам пришлось бы несладко: из-за государственного траура придорожные лавки и съестные лавочки закрылись. Торговцы предпочитали на время лишиться прибыли, нежели дать повод придирчивым чиновникам бросить себя за решётку.

Едва они поравнялись с околицей, Сяо Юань, услышав призывные крики деревенских мальчишек, не смог усидеть на месте. Он с мольбой во взгляде посмотрел на Чу Цы, и тот не разочаровал племянника: подхватив его на руки, дядя спустил сорванца наземь и позволил умчаться к друзьям.

Дома Чу Цы встретили лишь Шэнь Сюнян и матушка Чу. Старший брат, едва пообедав, снова ушёл в поле. В этом году в хозяйстве прибавилось две му заливных полей и участок под сухую пашню, а в марте, когда земля пробуждается от зимы, разве может истинный хозяин сидеть сложа руки?

Увидев сына, матушка Чу тут же засуетилась у плиты, готовя для него сладкие колобки из клейкой рисовой муки. Те вышли нежными и тягучими, именно такими, как он любил.

На самом деле матушка хотела отварить яиц — на днях родственники невестки заходили проведать её и принесли целую корзину. Однако она слышала, что во время государственного траура запрещено вкушать скоромное. Простым людям ещё куда ни шло: съешь потиньку в кругу семьи, не выставляя напоказ, и никто тебя не тронет. Но с учёными людьми всё иначе. За каждым их шагом следят, и если кто-то прознает, что Чу Цы ел яйца в дни скорби по государю, тот в лучшем случае получит палок, а в худшем — лишится учёного звания.

Ради будущего своих мужчин матушка Чу и Шэнь Сюнян в тот же миг, как увидели юношу на пороге, твёрдо решили: пока он и Сяо Юань остаются дома, на столе не должно быть и следа мяса или жира.

— Бабушка, матушка! Я вернулся! — Чу Цы ещё не успел доесть угощение, как снаружи раздался звонкий голос Сяо Юаня.

— Что же ты так быстро? Неужели повздорил с Сяо Ху и остальными? — Шэнь Сюнян, не видевшая сына больше полумесяца, места себе не находила от тоски. Когда деверь сказал, что сорванец ушёл играть, она даже немного расстроилась, а теперь, завидев его, заволновалась, не обидел ли его кто. Поистине, сердце матери — бездонный колодец забот.

— Вовсе нет, — Сяо Юань прижался к матери, осторожно обнимая её и стараясь не задеть округлившийся живот. — Просто я вспомнил слова учителя: «Уходя — извести, возвратившись — явись», дабы родные не тревожились, не зная, где ты.

Мальчик виновато опустил голову:

— Дядя всегда сообщает бабушке, куда идёт, и никогда не задерживается в пути, когда возвращается домой. По сравнению с ним я совсем неразумный.

Увидев восьмилетнего ребёнка, который с таким серьёзным видом рассуждает о своей «неразумности», взрослые почувствовали, как их сердца наполняются нежностью. В глазах Шэнь Сюнян заблестели слёзы радости: её сын проучился в училище всего две недели, а уже усвоил такие важные истины. Могла ли она, как мать, желать большего?

Она с бесконечной благодарностью посмотрела на Чу Цы, который в это время усердно расправлялся с колобками. Без участия деверя её сын никогда не получил бы возможности учиться в уездном училище.

Матушка Чу, заметив этот взгляд, ласково похлопала невестку по руке:

— Мы одна семья, к чему лишние церемонии?

— Да, матушка, — Сюнян улыбнулась, смахивая слезу.

Вскоре перед Сяо Юанем поставили миску с колобками, но он не спешил есть, оглядываясь по сторонам.

— А где папа? Он уже поел?

Матушка и Сюнян снова расплылись в улыбках. Разве может не радовать такая сыновья почтительность? Впрочем, в душе женщины всё же шевельнулась лёгкая грусть: сын вырослел вдаль от её глаз, и это смешанное чувство гордости и тоски наполняло её сердце сладкой горечью.

— Идём, на кухне ещё осталось. Соберём немного и отнесём твоему отцу прямо в поле, поедим вместе на меже, — Чу Цы вытер рот водой и поднялся из-за стола.

Чу Цы нёс тяжёлый глиняный горшок, а Сяо Юань бережно прижимал к груди две чашки и две пары палочек. По пути им то и дело попадались крестьяне, занятые весенними работами. Все они громко приветствовали дядю и племянника, а деревенские женщины даже в шутку прочили Сяо Юаню великое будущее, от чего тот заливался пунцовой краской.

Заливные поля семьи Чу располагались у самого подножия гор. Когда они добрались до места, Чу Гуан как раз с силой вонзал мотыгу в землю, переворачивая пласты. Большая часть поля была уже вскопана, и по глубине борозд было видно, с каким тщанием он подходит к делу.

Глядя на брата, Чу Цы ощутил укол совести. В доме теперь были деньги, но Чу Гуан пожалел средств даже на быка, предпочитая в одиночку вскапывать эти две му заливной земли.

— Брат!

— Папа! — в один голос позвали они.

Трудившийся в поте лица мужчина вздрогнул, не веря своим ушам. Разогнув спину, он увидел на меже Чу Цы и сына.

— Как же вы здесь оказались? Ах да, траур... в училище дали отпуск? — мужчина выбрался из грязи на сухую землю. Он порывался обнять Сяо Юаня, но, взглянув на его чистенькую ученическую куртку и сравнив её со своей грубой, перепачканной одеждой, невольно оробел и спрятал руки за спину.

Мальчик, быть может, и не заметил этого жеста, но от Чу Цы он не укрылся. Именно в этот миг его решимость добиться успеха стала твёрдой как скала. Какой смысл жить в достатке самому, если ты не можешь отплатить близким за их доброту? Учёба, не приносящая плодов семье, — лишь пустая трата времени.

Сяо Юань, не ведая о сомнениях отца, сам бросился к нему на шею с радостным криком:

— Папа, я так скучал! Я принёс тебе колобки, они такие сладкие и вкусные!

Брат не выдержал и расплылся в улыбке. Он подхватил сына, подбросил его пару раз, а затем, поставив на землю, поспешил к ближайшей канаве, чтобы смыть грязь с рук.

— Брат, на этих экзаменах оба моих друга получили звание сюцая. Их семьи, желая отблагодарить меня за наставничество, передали нам кое-какие дары.

— Снова еда? — Чу Гуан усмехнулся, принимаясь за колобки. — Жаль только, сейчас траур, придётся ждать две недели, чтобы полакомиться. Честно скажу, матушка так усердно откармливает твою невестку, что та порой и половины съесть не может, приходится мне доедать. Кажется, я за это время только раздобрел.

— Нет, не еда, — мягко перебил его Чу Цы, сбрасывая «глубинную бомбу», от которой собеседник надолго лишился дара речи. — Они подарили нам усадьбу в городе и тринадцать му заливных полей здесь, неподалёку от Чанси.

— Что... сколько?! — Брат застыл с набитым ртом. — Сяо Эр, скажи честно, ты ведь шутишь? О небеса, мне точно всё это снится! Наверное, вы с Сяо Юанем даже не возвращались...

Пробормотав это, он отставил миску и легонько хлопнул себя по лбу.

— Брат! — рассмеялся Чу Цы. — Это не сон. Бумаги на дом и землю сейчас у меня, если не веришь — взгляни сам.

Мужчина тоже знал несколько иероглифов, поэтому сначала бегло просмотрел купчую на дом, а затем впился взглядом в дарственную на землю. Там было чётко указано: тринадцать му земли на восточной окраине деревни Чанси, идущих единым клином.

Этот участок был самым плодородным в округе: ровное место, а совсем рядом река, так что о летнем поливе можно было не беспокоиться. Местные пахари, проходя мимо, часто заглядывались на эти поля, втайне мечтая, как бы они распорядились такой землёй, будь она их собственной. Никто и помыслить не мог, что эта фантазия однажды станет явью.

Чу Цы, глядя на сияющего от счастья брата, который не мог выпустить из рук заветные бумаги, невольно подумал: похоже, в глазах крестьянина земля в родной деревне ценится куда выше, чем добротный дом в городе.

Немного успокоившись, Чу Гуан спросил:

— Помнится, эти поля принадлежали помещику Хуану? Я ещё пару лет назад нанимался к нему туда поденщиком. Как же они стали нашими? Не будет ли потом хлопот, если мы начнём там хозяйничать?

— Брат, не волнуйся. Раз семья Фан передала мне бумаги, значит, все дела уже улажены. Можешь смело пахать, никто и слова не скажет. Земля записана на моё имя, сейчас зайдём к старосте, чтобы он внёс запись в реестр, и всё будет чин по чину.

— Хорошо, я сейчас же соберусь, и пойдём! — Мужчине было всё равно, на чьё имя записана земля. Раз Сяо Эр велит ему сеять зерно, он будет счастлив.

Деревенский староста, взглянув на документы, не на шутку изумился. Стало ясно: семья Чу по-настоящему идёт в гору! Вместе с теми тремя му, что они купили раньше, теперь у них было шестнадцать му земли! А ведь до того, как они начали распродавать имущество ради учёбы, у них было всего му семь.

Когда-то, когда сюэя Чу привезли домой на носилках, в деревне только и разговоров было, что семье пришёл конец: мол, разорились в пух и прах, а толку от этого учения никакого. Многие

тогда твердили, что крестьянскому сыну лучше держаться за плуг, чем за кисть.

Теперь же, если бы кто посмел сказать такое, староста бы лично плюнул ему в лицо. Разве можно, просто паша землю, разбогатеть на дюжину му за полгода? Его старуха раньше вечно ворчала, что он отдал внуков в частную школу и в доме не осталось помощников, — вот теперь ей стоило бы показать, на что способна образованность!

На следующее утро Чу Цы позволил себе проспать до самого рассвета. Это чувство — проснуться самому, без зова — было поистине чудесным, и всё утро он ходил с довольной улыбкой.

В классе подготовки к экзаменам порядки были не такими строгими, как в начальной школе, но прилежные студенты часто следовали правилу «огонь светильника в третью стражу, крик петуха в пятую», словно ранний подъём гарантировал успех на экзаменах.

На юношу, который вставал только когда небо начинало светлеть, не раз бросали укоризненные взгляды. Некоторые даже пускались в пространные рассуждения, суть которых сводилась к тому, что нельзя потакать собственной лени, даже если ты лучший в учёбе.

Чу Цы лишь пожимал плечами. Эти люди, с тёмными кругами под глазами, совсем не понимали, что отдых — такая же часть труда.

«Посмотрим, — думал он, — кто из нас будет бодрее на выходе из экзаменационных келий»

Позавтракав, юноша заперся в комнате. Пора было браться за дело, но прежде нужно было понять, в каком направлении двигаться.

С давних времён говорили: «Золотой цзюйжэнь, серебряный цзиньши», что означало — стать цзюйжэнем куда труднее и почётнее, чем пройти дворцовые экзамены. Провинциальный экзамен по праву считался самым сложным этапом в карьере книжника.

Здесь всё было иначе, чем на уездных экзаменах. Простых заданий вроде тецзина, мои или цзючжана больше не предвиделось — в основе лежали глубокие эссе и стихотворения на заданные темы.

Провинциальный экзамен не чета предварительным испытаниям, где по милости предка-основателя династии многие церемонии были упрощены ради лаконичности. Здесь в силу вступала древняя система: три тура, по три дня на каждый.

Стоило Чу Цы представить, что три дня придётся есть, пить и спать в крохотной келье — хаофане, как его лицо принимало землистый оттенок, а к горлу подкатывала тошнота. Похоже,

те учебные кельи в поместье Чжана всё-таки пригодятся — не лишним будет запереться там на пару дней, чтобы привыкнуть к тесноте.

Впрочем, условия быта — не самое страшное. Куда сложнее было то, что темы заданий могли оказаться самыми причудливыми, и при этом нужно было угадать вкус главного экзаменатора.

Если наставник предпочитал изящный и цветистый слог, простая и ясная работа не имела шансов. Если же он был человеком дела, то любые красивые речи, не подкреплённые смыслом, летели в корзину. Многие роптали на это, обвиняя студентов в «угодничестве словом», но так поступали почти все. Если хочешь пробиться и не обладаешь громким именем, приходится подстраиваться под чужие вкусы.

На уездном уровне достаточно было знать несколько канонов — какой бы каверзной ни была тема, она не выходила за рамки книг. Поэтому среди тех, кто просто зазубривал тексты, было немало сюцаев.

Но с цзюйжэнями всё иначе. Помимо обязательного Пятикнижия и Четверокнижия, нужно было досконально знать историю и труды мыслителей всех школ, свободно ориентироваться в одах эпох Цинь и Хань, не пренебрегать поэзией Тан и Сун. Нужно было обладать поистине энциклопедическими знаниями. Стоило лишь неосторожно высказать мнение, идущее вразрез с убеждениями известного конфуцианского учёного — и пиши пропало.

И одних книг было мало. В первом туре проверяли знание канонов, а во втором — уже умение составлять официальные доклады и судебные приговоры. Цзюйжэнь — это будущий чиновник, а разве может чиновник не уметь составить бумагу государю или разобрать тяжбу? Быть может, придётся даже составлять указы от имени императора — всё это входило в обязанности служилого человека. И без глубоких знаний и железной логики здесь было нечего делать.

В третьем туре ждали цэвэнь и шифу. Цэвэнь охватывал множество тем: от управления экономикой и укрепления государства до спасения при бедствиях. Вопросы были самыми неожиданными, и если ты не мог дать достойного ответа — что ж, изволь ждать следующих экзаменов через три года.

Неудивительно, что знаменитый Фань Цзинь едва не лишился рассудка от радости, узнав о своём успехе! Неудивительно, что прежний владелец этого тела впал в такую тоску, не сумев сдать экзамен. Пройти через такие муки и остаться ни с чем — выдержит ли это человеческое сердце?

Чу Цы с силой приложился лбом к столешнице, внезапно ощутив себя ничтожно малым перед лицом грядущих испытаний.

«Кэцзюй... это слишком сложно!»

Пока он не задумывался об этом, всё казалось терпимым, но чем больше он размышлял, тем

сильнее становилась тревога. Что, если он провалит эти внеочередные экзамены? Что, если и в следующий раз его ждёт неудача? Что, если ему суждено до конца дней оставаться простым сюэаем? Перед его мысленным взором замаячили седые старики-книжники, десятилетиями штурмующие экзаменационные залы, и ему стало по-настоящему страшно разделить их участь.

— Дядя, ты что там делаешь? — Сяо Юань, услышав глухой удар, тут же заглянул в комнату.

Этот голос вырвал Чу Цы из пучины отчаяния. Он вдруг осознал, что его душевное равновесие пошатнулось. Со вчерашнего дня, как только он узнал, что до экзаменов осталось всего пять месяцев, его подспудно грызла необъяснимая тревога. Это чувство затаилось так глубоко, что его было трудно заметить сразу.

К счастью, он обнаружил это сейчас. Если бы эта тревога росла втайне, она могла бы взорваться в самый неподходящий момент и погубить всё дело.

Юноша почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он заставил себя улыбнуться племяннику:

— Всё в порядке, Сяо Юань. Я просто хотел сходить на задний склон, посмотреть, как там наш бамбук. Пойдёшь со мной?

<http://bllate.org/book/15354/1428105>